

*Светлана
Лубенец*

В ПЛЕНУ

СБЫВШИХСЯ

ЖЕЛАНИЙ

Светлана Лубенец

В плену сбывшихся желаний

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Лубенец С.

В плену сбывшихся желаний / С. Лубенец — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

ISBN 978-1-38-772146-7

Саша была уверена, что ни один мужчина ее никогда больше не заинтересует, поскольку слишком болезненны воспоминания о бывшем муже. Но не поддаться обаянию незнакомца, который заинтересовался ею сам, невозможно. Он развеял все ее страхи, уничтожил комплексы. Саше завидуют сослуживицы, а начальница начала с ней нешуточную войну за этого мужчину. Но ни начальница, ни сама Саша не могли даже предположить, как любовь изменит расположение сил в этой войне. Любовь сама выбирает, кого казнить, кого миловать. Для нее не имеют значения ни сила характера, ни упорство в достижении цели, ни внешняя красота. И только способность к творчеству помогает художнице Саше, разобраться в том, кто же на самом деле ее герой.

ISBN 978-1-38-772146-7

© Лубенец С.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Светлана Лубенец

В плену сбывшихся желаний

Саша думала, что помятое лицо – это литературная метафора, однажды удачно найденная и эксплуатируемая теперь всяким, кому лень придумать собственное сравнение. Сегодняшнее утро предоставило ей доказательства того, что помятое лицо – не писательский экзерсис, не стилевая принадлежность какого-нибудь Акакия Акакиевича, как литературного персонажа, а суровая правда жизни. Из зеркала ванной комнаты на Сашу смотрело ее собственное лицо с явственным отпечатком загнувшегося уголка наволочки с пуговицей.

Саша коснулась отпечатка пальцами. Он был глубоким и рельефным. Саша потерла щеку ладонью. Щека покраснела, но рубцы отпечатка сделались еще отчетливей и борднее. Какой ужас! Зачем она спит на этой старой маминой наволочке с пуговицами? Жалко выбросить! Вот они – издержки плюшкинизма! Куда ни глянь – сплошной Гоголь!

Саша намылила жесткую массажную мочалку и с ожесточением принялась стирать ею пуговичный отпечаток. Он не стирался. Он приобрел одинаковый со щекой оттенок сырого мяса, но просматривался все так же отчетливо. Саша поняла, что пошла по неверному пути, и густо намазала щеку жирным ночным кремом. В ожидании его воздействия она постояла немного у зеркала, но ожидания не выдержала: стала пальцем протирать в креме окошечко, чтобы понаблюдать за процессом. Процесс не шел.

Саша решила взять себя в руки и отвлечься от щеки завтраком. Она варила кофе, делала себе бутерброды и потом даже пила и ела, но отпечаток наволочки не выходил у нее из головы. Вот оно. Началось. Необратимый процесс ее старения, как физического тела, скоро станет заметен широкой общественности. Говорят, что у женщины самыми первыми стареют шея и руки. Саша дотронулась рукой до шеи. Пожалуй, вяловата... А руки? Она придиричиво осмотрела тыльные стороны ладоней. Вроде бы, пока ничего, хотя синеватые жилочки уже несколько выступают, и поверхность утратила былую мраморную гладкость. Но по сравнению со щекой, это такие пустяки, о которых даже думать пока не стоит. Стоит пока купить крем для рук подороже. Хватит на себе экономить!

Саша запустила палец поглубже в крем и ощупала щеку. Отпечаток был на месте. Ноготь даже попал в рытвинку самого глубокого рубца. Ну и как идти в таком виде на работу? Она тяжело вздохнула, но в ванную прошла решительно и занялась там глазами, стараясь не опускаться взглядом ниже их.

Сегодня она наденет кремовый пушистый джемпер из ангоры, а потому макияж должен быть нежным. На веки она положила бледно-персиковые тени, ресницы подкрасила чуть-чуть, чтобы они не выступали из лица вульгарным черным забором. Получилось как раз то, что надо, и дольше тянуть было уже нельзя. Хочешь – не хочешь, а пора переходить к щекам. Саша выудила из баночки розовый ватный шарик и стерла крем. Отпечаток как будто бы стал бледнее, но ненамного. Что ж! Придется на работе прикрывать щеку платочком, будто бы у нее болит зуб.

На обезображенное место Саша выдавила чуть ли не полтюбика тонального крема. Он так удачно заполнил емкости рубцов, что можно было смело переходить к губам. Саша вчера купила чудную помаду: благородная платина с оттенком чайной розы. Тон в тон к джемперу из ангоры. Ольга онемевает от зависти. Саша немного помучает подругу, а потом подарит ей точно такой же тюбик, потому что Ольга плохо переносит, когда у нее нет чего-нибудь такого, что есть у Саши.

Волосами Саша решила не заморачиваться. Все равно под шапкой все придет в полную негодность. Она быстро натянула выше означенный джемпер, узкую черную юбку с небольшим разрезом на боку, взглянула на часы и вылетела в прихожую.

Та-а-ак: сапоги, дубленка, шапка! Ша-а-апка-а-а... Саша в ужасе застыла перед зеркалом с новой норковой шапкой в руках. Тональный крем, сосредоточившись в рубцах отпечатка, образовал на ее щеке что-то вроде товарного знака, клейма, или тавра. Какой ужас! Клейменная скотинка, выставочный образец, новая религиозная секта... Саша вытащила из сумки платок и вытерла щеку, еще раз с отвращением взглянула на себя в зеркало и вышла из квартиры.

До налоговой инспекции, где работала, Саша всегда шла пешком в любую погоду, на что требовалось минут сорок. Пешком всегда и возвращалась. Этот моцион являлся насущной необходимостью, потому что работа была сидячая, и движений Саше не хватало. Сегодня тем более не стоило пользоваться транспортом, чтобы не предъявлять кондуктору и пассажирам помятую щеку.

Утро было чудесным: морозным и звонким. Вчера, несмотря на декабрь, была настоящая оттепель, что, в общем-то, для Питера в порядке вещей, а сегодня ветки деревьев покрылись пушистыми кристалликами застывшей вчерашней влаги и под белым светом фонарей казались сделанными из елочной мишуры. Натекami празднично блестящей изморози были украшены дома, что сделало их похожими на мятные пряники, облитые белой глазурью. Саша подумала, что скоро Новый год, и почему-то по-детски обрадовалась, хотя радоваться было абсолютно нечему. Даже самый захудалый Дед Морозишко не принесет ей никакого подарка.

Саша шла осторожно, потому что под снежной крошкой на тротуарах скрывался лед, и не сразу заметила, как из-за какого-то угла вынырнул мужчина и зашагал впереди нее. Впрочем, глагол «зашагал» к производимым мужчиной движениям не подходил. Он ступал, будто крался, мягко, как кот или тигр, и при этом довольно быстро. Мужчина был высоким, длинноногим и очень гибким. Это сразу бросалось в глаза, несмотря на то, что он был одет в теплую зимнюю куртку, которая должна была бы скрадывать эту гибкость.

На голову мужчина надел черную фетровую кепку с опущенным на уши отворотом. Вообще-то, подобное ношение кепки Саша не приветствовала. Для нее кепка, закрывающая уши, была чем-то сродни завязанной на бантик под подбородком шапке-ушанке. Но этому мужчине шло. Ему вообще все шло: и слегка вылезший из-за ворота темный шарф с редкой тонкой красной клеткой, и болтающаяся на боку мягкая черная сумка, и поблескивающие брюки, тоже черные и, похоже, дорогие.

Саша решила, что мужчина должен быть очень молод, судя по стилю, гибкости и стремительности утреннего полета. Ей хотелось бы увидеть его анфас, но для этого надо было бы бежать, скользя каблуками по заснеженному льду, а потом выскакивать из-за его спины и неприлично заглядывать в лицо. Впрочем, и заглядывать нечего. У него должен быть волевой подбородок, нос с легкой горбинкой, короткая стрижка черных волос и безжалостные глаза тигра со зрачком поперек. Это штучный товар. Эксклюзив. Такие мужчины очень дороги и знают себе цену. Саша зачем-то спешила вслед за эксклюзивом как привязанная и очень удивилась, когда он начал подниматься на крылечко их Инспекции Федеральной Налоговой Службы. На какой-то миг перед ее глазами мелькнул его профиль, и она успела заметить, что этот тигр не так уж и юн.

Когда она вошла в коридор инспекции, никакого штучного мужчины там не было. Возле стены стояли два охранника, меняющиеся сменами, обычные мужланы поточного способа производства для массового женского потребителя. А может, никакого тигра и не было? Фантом? Зимний мираж? Предновогодняя фантазия? Саша улыбнулась собственным мыслям и тут только вспомнила о клейме на своей щеке. Она бросилась к зеркалу гардероба и, придирчиво осмотрев лицо, освобожденно вздохнула. Сорока минут все-таки хватило, чтобы щека разгладилась и приобрела ровный с мороза розовый цвет.

Офис встретил ее казенным запахом бумаг и немых со вчерашнего вечера чашек с застывшей на донышках кофейной гущей. Саша поспешила открыть форточку и встала под

нее, жадно вдыхая арбузный аромат зимы, который в помещении ощущался гораздо отчетливей и вкуснее, чем на улице.

– Вечно ты, Александра, вымораживаешь с утра помещение! – услышала она за спиной и торопливо захлопнула форточку.

С Марьяной Валерьевной Тереховой, начальницей Сашиного отдела учетности и анализа, с утра лучше не связываться, а то весь день пойдет наперекосяк. Проверено. Вообще-то Марьяна неплохая тетка, но по утрам у нее всегда паршивое настроение. Сама она это объясняет тем, что, являясь стопроцентной соевой, по дороге на работу еще не успевает как следует проснуться.

Саша сняла дубленку, повесила ее в шкаф, еще раз с удовольствием полюбовалась блестящими ворсинками новой норковой шапки, положила ее на полочку и подошла к зеркалу. Ну вот! Шапка, конечно, красивая, ничего не скажешь, но из-за нее у волос нет никакого вида, а ведь только вчера вымыла голову. Все эти мысли были сугубо ритуальным. Заговором от противного. Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить. У Саши были прекрасные волосы. Собственно, волосы – это лучшее, что имелось у нее в арсенале. Волосы были густыми и тяжелыми. Им не требовались завивка или укладка. Сейчас из-под шапки они выползли спутанными тусклыми прядями, но стоит взмахнуть щеткой, и они возьмут в темную раму лицо, и красиво улягутся на плечи.

Марьяна Валерьевна особенно ненавидит Сашины волосы, потому что сама располагает жалкими кудельками, которыми с трудом прикрывает розовую кожу черепа. Во всем остальном она не хуже Саши, а, может быть, даже лучше. У нее современная спортивная фигура с широкими плечами и узкими бедрами, и волевое лицо хозяйки жизни. У Марьяны всегда все хорошо получается, начиная с работы и заканчивая личной жизнью. Или наоборот? Сначала у нее заладилась личная жизнь, а потом уже она пришла работать в налоговую инспекцию.

Марьяна Валерьевна Терехова была замужем за прекрасным человеком, который обожал ее и их двух сыновей, Ванечку и Митю. Когда Марьяну особенно допекали Сашины волосы, она всегда вспоминала, что выпадать они у нее начали во время второй беременности, а до этого были еще получше, чем у Саши, и что если бы Саша второй раз забеременела, то совершенно неизвестно, какие у нее были бы сейчас волосы. На эти ее инсинуации Саша старалась не реагировать, а тюкать на своем компьютере, потому что однажды она среагировала... Впрочем, об этом лучше не вспоминать.

Саша постаралась причесаться, не раздражая Марьяну Валерьевну, и сразу села за работу. Ей срочно надо добить отчет 1НМ – по начислениям и поступлениям денежных средств.

– Да оторвись ты, наконец, от компьютера, Сашка! – миловидная женщина с длинными висячими серьгами потрясла ее за плечо.

– Отстань, Ольга! Мне надо доделать отчет, – Саша дернула плечом, за которое ее потрясли, даже не поворачивая головы.

– Успеешь еще! За этим отчетом проворонишь главное событие сегодняшнего дня!

– Какое еще событие? – без всякого интереса спросила Саша, продолжая набирать текст проворными пальцами.

– Он пришел! – Ольга сказала это таким тоном, будто возвестила воспитанникам младшей группы детского сада о приходе Деда Мороза.

– Кто? – вяло откликнулась Саша, продолжая печатать.

– Да новый зам – вот кто!

– Ну и что?

– А то, что твой отчет может вообще не понадобится! Неужели не понятно?! Новая метла по-новому метет.

– Мы замам не подчиняемся, нас курирует сама Волгина, ты же знаешь, – ответила подруге Саша.

– Ты что забыла, – возмутилась Ольга, – что этого зама как раз и собирались взять, чтобы бросить на ваш отдел. У Волгиной и без вас забот – полон рот.

Саша сняла пальцы с клавиатуры и, крутанувшись на стуле, повернулась к подруге, так и держа впереди себя растопыренные руки, как хирург, которому медсестра перед операцией должна натянуть стерильные перчатки.

– Ну... без отчета же все равно нельзя... – растерянно пробормотала она.

– Конечно нельзя, но вдруг он потребует в какой-нибудь другой форме! Говорят, из Москвы новую программу прислали. Зачем сорок раз переделывать одно и то же... – последние слова Ольга договаривала уже по инерции, без всякого интереса, потому что заметила новую Сашину помаду. Она приблизила свое лицо лицу подруги, еще раз придирчиво осмотрела ее платиновые губы, нашла их превосходными и, не имея сил скрыть зависть, очень грустно спросила: – Откуда такая красотища? Где купила?

– В «Пассаже», – ответила Саша и улыбнулась. Именно на такую реакцию она и рассчитывала.

– Надо же! И ведь как раз к моему летнему костюму... Тому, палевому... ну... желтоватому... с вышитыми цветами... Сколько она стоит? Хотя... такую помаду наверняка уже всю разобрали...

– Тебе как раз хватило! Я тебе тоже купила! – Саша вытащила из сумочки серебристый тюбик и протянула Ольге. – Бери!

– Сашка! Да ты просто... – Ольга от избытка чувств собиралась броситься подруге на шею, но Марьяна Валерьевна бесцеремонно прервала мало интересный для нее разговор подруг:

– Ольга, а вы его уже видели?

– Нет, но говорят, после обеда он пойдет знакомиться с отделами. – Ольга посмотрела на часы. – То есть, девоньки, ровно через полтора часа. Готовьтесь! Секретутка сказала – красавец мужчина! Высокий, стройный и гибкий, как латинос, танцующий ламбаду, а лицом – прямо Голливуд отдыхает!

Сашу будто толкнули в грудь. Неужели... Утренний мужчина не мираж? Он их новый начальник? Секретарше Анюте он показался красавцем и даже латиносом. Хотя на безрыбье... В налоговой инспекции работали одни женщины, если не считать бесконечно сменяющих друг друга охранников в однообразно-унылой синей форме, с какими-то стертymi лицами и ленивыми до безобразия движениями. Охранники сидели в застекленной кабинке у входных дверей, вылезая из нее только для перекура, и напоминали Саше замерзших синих раков.

Конечно, ежедневно, в коридорах инспекции толклись мужчины из числа налогоплательщиков, но, что касается корпоративных вечеринок, то на них дамам налоговой приходилось тащить свои самовары и зорко следить, чтобы кто-нибудь из сослуживиц не пристроился к ним попить чайку. Поскольку вечеринки, как тому и положено быть, сопровождались употреблением горячительных напитков, то к чужим мужьям пристраивались не только незамужние инспекторши, но и те, которым свои собственные надоели уже до тошнотворного состояния.

Как правило, после совместной встречи Нового года или празднования Международного женского дня 8 – го Марта, между сослуживицами происходило несколько крутых разборок вплоть до попыток повыцарапать глазенки и повыдрать волосенки. Некоторое количество сотрудниц инспекции поссорились насмерть, а одна – даже уволилась из налоговой и вышла замуж за отбитого на одном из таких банкетов чужого мужа.

Саша на подобные вечеринки ходила редко. Ей было скучно несколько часов подряд есть, пить и вести светские разговоры ни о чем. Она не любила застольных песен, типа: «Зацвела за окошком белоснежная вишня...», терпеть не могла салаты «Оливье» и с крабовыми палоч-

ками, презирала танцы под кабацкие мотивы и не нуждалась во внимании чужих мужей. Ей одного своего собственного хватило за глаза и за уши.

Вообще-то, она уже не была замужем. Они развелись с Юрием пять лет назад, когда сыну Сереже было семь лет. Развод был кровавым. Юрий разводиться категорически не желал, потому что утверждал, что любит Сашу. Если он ее и любил, то, как говорить «по-своему». И очень даже по-своему.

Юрий был патологически ревнив. Саша не имела права задержаться дольше отпущенных ей пятнадцати минут нигде: ни на работе, ни в магазине, ни у подруг, ни у матери, ни у врача. Как только истекло контрольное время, муж начинал звонить всем, чьи телефоны знал. Даже если Саша была у врача, и он собственными глазами видел номерок, все равно принимался названивать матери и всем подругам, докучая им одним и тем же вопросом: не знают ли они, где может проводить время его жена. Все уже поняли, что пытаться как-то выручить Сашу – себе и ей дороже, и Юрию говорили только правду. Но ему все равно казалось, что все круговым разговором покрывают его жену, которая под предлогом посещения зубного врача или, что еще подозрительнее, гинеколога, развлекается у кого-нибудь на квартире с любовником.

Он встречал опоздавшую в коридоре тяжелым взглядом карих глаз и постоянным приветствием: «Ну, как он? Крутой самец?» После того, как на свое возмущенное: «С ума сошел? Я была у врача!», она несколько раз получила по звонкой пощечине, Саша научилась сдерживать свои эмоции и помалкивать, пока муж не успокоится. Ее молчание его тоже раздражало, но злило меньше, потому что давало возможность выговориться, и в этих разговорах он постепенно терял весь свой пыл и вдохновение.

Бурный всплеск эмоций Юрия заканчивался обычно покаянным «прости», очередным объяснением в пламенной любви и грубым насилием в постели, когда Саша, закусив губу, думала только о том, что если бы в такой момент у нее в руках случайно оказался нож, то она воткнула бы его мужу в спину с таким же сладострастием, с каким он терзал ее тело. Ко всему этому стоит добавить еще и то, что фамилия Юрия была Арбенин. Саша несколько раз предлагала ему перечитать «Маскарад» или хотя бы вспомнить, как плохо кончили лермонтовский Арбенин и его жена Нина, но муж с раздражением отмахивался и говорил, что этот бестселлер девятнадцатого века уже давно и безнадежно устарел.

Свою отвратительную семейную жизнь Саша влачила из-за Сережи, который любил отца, но после первой же пощечины заговорила о разводе. Юрий ползал перед ней на коленях, истово просил прощения и буквально лобызал ступни. Она простила, получив за это в подарок бриллиантовые сережки и такой жесткий секс, что готова была засунуть ему эти серьги в мокрый рот, который высасывал из ее тела жизнь. Когда она пыталась намекнуть мужу, что его ласки отдают садизмом, он обижался и называл ее фригидной женщиной, которая не понимает толка в интимных отношениях.

После второй пощечины муж свозил Сашу в Ялту на море. В душном номере пансионата Юрий насиловал ее по несколько раз в день в комнате, в душевой и, особенно ему нравилось, на лоджии, чуть ли не на виду у отдыхающих. Саша еле вытерпела отведенные путевкой пятнадцать дней, потому что кроме ожесточенного секса муж продолжал ее бурно ревновать ко всем отдыхающим Ялты.

После третьей пощечины Саша подала на развод. Юрий чуть не плакал, терзая ее любовными признаниями и разговорами о Сереже, который останется без отца. Саша и сама мучилась тем, что семилетнему ребенку невозможно объяснить, почему разводятся папа и мама, которых он одинаково любил. Кроме того, во всех остальных отношениях Юрий был очень неплохим человеком. Подруга Ольга стыдила Сашу и призывала одуматься, потому что такого мужика, как Юрий, сразу подберут, а она, Саша, потом будет только локти кусать.

– Я не хочу, чтобы мой собственный муж меня насиловал, как сексуальный маньяк в лифте, – говорила Саша подруге. – Неужели это трудно понять?

– Трудно! – отвечала Ольга. – Я, например, была бы не против, чтобы мой Кирюха меня насилывал. Если бы ты только знала, как мне надоело это его сюсюканье: «Олюшка, тебе хорошо? Олюшка, тебе не больно? Олюшка, а ты не могла бы...» Противно! Мужик должен быть мужиком! Я хочу стонать под его ласками, а только и делаю, что отвечаю: «Мне хорошо, мне замечательно, я на седьмом небе от восторга, у меня ничего не болит, и я даже могу перевернуться на спину, если тебе так хочется!» Настоящий мужчина должен сжимать меня в объятиях и бросать на постель, как измятый цветок, а не...

– Дура, ты, Ольга, – Саша всегда прерывала подругу на этом месте. – Если хочешь, можешь соблазнить Юрку на пробу и проверить на себе, каково это быть измятой, вроде цветка.

– А я бы и согласилась, – смеялась Ольга. – Только он на других женщин вообще не смотрит, что также говорит в его пользу. Любит он тебя.

– Я очень долго тоже верила в это, потому и на развод не подавала.

– Неужели ты будешь утверждать, что твой муж тебя не любит?

– Он маньяк, Оля. Настоящий сексуальный маньяк.

– Маньяки – они по подворотням шастают или, как ты уже упомянула, в лифтах производят свои развратные действия. И, заметь, с разными особами! К тому же они все, как правило, получили в детстве или юности психическую травму, которую нанесла женщина, за что женщинам и мстят.

– Я думаю, что маньяки могут быть самых разных направлений и... откуда мне знать, может, какая-нибудь подобная травма у Арбенина была. Не станет же он про такое рассказывать жене!

– Ну, не знаю! Мне кажется, что Кирюха мне все говорит. Вот я не хочу этого про него знать, а он все равно рассказывает и рассказывает. Ну скажи, для чего мне знать, как у него первый раз все неудачно получилось с какой-то там однокурсницей? Какое мне до этого дело! Лучше бы врал про половой гигантизм, честное слово!

– Твой Кирилл очень хороший, мягкий человек. Я его обожаю! – Саша очень хорошо знала, как прекратить подобные разговоры.

– Ню-но! Даже и не смей мечтать! – смеялась Ольга. – Хоть он мне и поднадоел со своими «сю-сю-сю», но если от них абстрагироваться, то в остальном он мне, пожалуй, подходит!

На самом деле Саша не могла представить, как интимные отношения могут доставлять удовольствие даже с таким милым человеком, как Кирилл. Хочешь – не хочешь, всегда наступает момент, когда мужчина за себя практически не отвечает. Юрий так и вообще контролировать себя не мог.

Освободившись от мужа, Саша на мужчин вообще больше никогда не смотрела. Они ее больше не интересовали. Эта глава ее жизни прочитана, последняя страница перевернута, и она не собирается перечитывать ее заново или читать дальше о мужчинах и связанном с ними сексе.

За пять лет, прошедших с развода, новый зам с мягкой тигриной походкой был первым, на кого она загляделась да и то со стороны спины. Неужели мужчины с такими вкрадчивыми плавными движениями тоже резки и жестоки в постели? Саша ужаснулась собственным мыслям и углубилась в работу, потому что Ольгу уже кликнули на рабочее место.

Все-таки Саша доделает отчет. Пусть новый зам посмотрит, как они привыкли подводить годовые итоги. Поправить готовое, если ему что-то не понравится, всегда быстрее, чем печатать заново.

Начальница инспекции, Волгина Ирина Федоровна, привела своего нового зама гораздо раньше, чем обещала Ольга, то есть, до обеда.

– Знакомьтесь, голубушки, – пропела Ирина Федоровна, – перед вами новый заместитель, который будет курировать именно ваш отдел – Владимир Викторович Халаимов.

Дописывая последнее слово, Саша представляла, как обернется и увидит волевое лицо мужчины-тигра с холодными желтыми глазами, хищным носом и волевыми складками, спускающимися от трепещущих крыльев носа ко рту с узкими бледными губами. Ей, работающей среди женщин, хотелось отдохнуть взглядом на мужественном... Да-да, только отдохнуть взглядом. Ничего другое ее не интересовало. Знает она эту мужественность...

Новый зам настолько не соответствовал Сашиным представлениям, что она невольно отшатнулась, будто увидела жуткого уродца. На самом деле мужчина уродцем не являлся. Мало того: он был красив, но не звериной красотой жесткого самоуверенного самца, а теплой, русской, прямо-таки сказочной.

Его лицо оказалось таким же мягким, как и походка. Все черты были плавно закруглены, разглажены и как бы выставлены напоказ. Широко распахнутые глаза были серыми с голубизной. Если бы Халаимов надел голубую рубашку, то они, наверняка, сделались бы небесного цвета. Никаких волевых складок: ни между бровей, ни у рта. Полные, красиво очерченные розовые губы. Гладкие щеки, без синевы сбритой щетины, поскольку Халаимов не был брюнетом. Владимир Викторович имел светло-пшеничные волосы, стриженные не коротко, а таким образом, что делали его похожим на возмужавшего Ивана Царевича или, может быть, на Пушкинского царя Салтана. Возраст Халаимова Саша определить не смогла. Ему с одинаковым успехом могло быть и тридцать лет, и все пятьдесят.

Владимир Викторович Халаимов улыбнулся. Лучше бы он не улыбался, потому что Саша почувствовала, как у всех женщин их отдела зашлись сердца. Это не была улыбка начальника. Это была улыбка Алеши Карамазова, светлая, трогательная, смущенная. Пожалуй, вместо дорогого костюма ему больше подошла бы ряса священнослужителя, вместо ноутбука и факса – крест и святое писание, а вместо налоговых деклараций – индульгенции в свитках. Да и губам, кажущимся непорочными, пожалуй, пристало произносить молитвы, а не отдавать руководящие указания.

Начальница представляла Халаимову каждую из женщин отдельно, давая краткую и положительную характеристику. Саша видела, что Марьяна Валерьевна впала в состоянии совершеннейшей растерянности, чего никогда раньше за ней не замечалось. Энергичная и собранная, она никогда не расплзлась в такую аморфную массу, которая вдруг предстала перед новым начальником.

– Марьяна Валерьевна Терехова, начальник отдела учетности и анализа, – представила ее Ирина Федоровна. – Отдел Марьяны Валерьевны осуществляет контроль работы всей нашей налоговой службы в целом. К ним стекаются все уплаты, начисления: и по выездной проверке и по камеральной. В общем, они обобщают весь наш технологический процесс. И именно их работу вы, Владимир Викторович, и будете контролировать.

Лица Халаимова Саша не видела, поскольку он стоял к ней спиной, но Марьяна свое лицо утратила напрочь. Она страшно покраснела, верхняя губа у нее задергалась, как бывало в минуты гнева, а руки поползли вверх, якобы поправлять прическу. Саша понимала, что таким образом она пыталась скрыть от нового мужчины жалкую серую поросль на голове.

Новый начальник что-то сказал Марьяне, но она ответила тихо и, видимо, невпопад, потому что Ирина Федоровна вынуждена была ее прикрыть:

– Ну... это Марьяна Валерьевна что-то засмушалась, а на самом деле она прекрасно разбирается в этом вопросе.

Владимир Викторович кивнул, развернулся к коллективу и опять улыбнулся, и у всех женщин отдела учетности и анализа опять одинаково затрепетало в груди, может быть, все те же сердца, а может быть, какие-то особые органы, о наличие которых они у себя и не подозревали до прихода в инспекцию Халаимова.

Каждой женщине показалось, что он по-особенному улыбнулся ей одной, а остальным так только – из вежливости. Каждая сравнила его со своим мужем, и все мужья до единого, мало

того, что сразу проиграли, так еще и должны были заполучить нынче ночью в свои постели жен, которые в пиковый интимный момент будут представлять, что предаются любви вовсе не с опостылевшим мужем, а с заместителем начальницы налоговой инспекции.

Саша, как и все остальные женщины, тоже представила себя в постели с новым замом. Неужели даже этот человек с круглыми чертами и кошачьими движениями в интимные минуты превращается в жестокого резкого самца? А, собственно, почему бы нет? Ее муж Юрий внешне тоже ничем не напоминал полового садиста. Именно на этом месте Сашиных размышлений начальство подошло к ней.

– А это Александра Сергеевна Арбенина, – представила ее Волгина.

– Арбенина? – переспросил Владимир Викторович, улыбнувшись еще шире и обворожительней. – «Маскарад»?

– И не говорите, сплошной «Маскарад», – ответно и несколько вымученно улыбнулась Саша.

Новый начальник так понимающе посмотрел на нее, что Саше показалось, что между ними протянулась невидимая нить взаимопонимания. Она почувствовала, как на виске вдруг нервно запульсировала жилка. К чему бы это? Неужели в ней все-таки жива надежда на то, что не все мужчины такие, неужели все-таки жива надежда на то, что не все мужчины такие. лось, что между ними протянулась невидимая нить понимания. Неужели она, битая-перебитая жизнью и изнасилованная мужчиной разными садистскими способами, еще на что-то рассчитывает?

– Надеюсь, вы не имеете в виду работу? – спросил Халаимов.

Саша не успела ему ответить, потому что начальница уже представляла ему третью сотрудницу их отдела молоденькую и очень хорошенькую татарочку Эльмиру. Смуглое Эльмирино личико от смущения приобрело оттенок красно-оранжевых китайских мандаринов.

Саша не пожелала смотреть, как Владимир Викторович будет реагировать на знойную Эльмирину красоту, и отвернулась к компьютеру. Ей хотелось сохранить в памяти тот особый взгляд и особенную улыбку, которыми одарил ее новый зам. На его правой руке не было обручального кольца. Конечно, это еще ни о чем не говорило, но все-таки Саше это было приятно.

– Д-а-а... Ольга была права-а-а... натоющий Голиву-у-уд... – протянула после ухода начальства Тамара Ивановна Михайлова, старший налоговый инспектор и мать троих детей. – Хоть в кино снимай, правда, Марьяна Валерьевна?!

Марьяна почему-то не ответила, и Тамара Ивановна несколько переиначила вопрос:

– Как вам все-таки новый зам, Марьяна Валерьевна?

– Ничего, – индифферентно ответила Терехова, и Саше это почему-то показалось подозрительным. Она отвернула голову от своего отчета и посмотрела на Марьяну. Ее лицо пылало похлеще китайских мандаринов.

Халаимов произвел на нее неизгладимое впечатление, поняла Саша. До этого додумалась и Тамара Ивановна, но, разумеется, не стала демонстрировать начальству свою прозорливость и поспешила обернуться к Эльмире. Эльмира тоже была потрясена красотой нового зама до глубины души и никак не могла оторвать взгляда от двери, за которой он только что скрылся.

– Никак влюбилась с первого взгляда? – расхохоталась Тамара Ивановна своим громким дробным смехом, от которого все в отделе всегда вздрагивали и к которому за много лет совместной работы так и не могли привыкнуть.

– Вы, Тamarочка Ивановна, грохочете вечно, как ударная установка, – недовольно проворчала Эльмира, а потом с удовольствием потянулась и ответила вместо Марьяны: – В такого красавца грех не влюбиться! Он на меня ТА-А-АК посмотрее-е-ел! Прямо не могу-у-у... У меня прямо все внутри съежилось!

– На чужой каравай, подруга, свой жалкий ротишко не разевай! – посоветовала ей Тамара Ивановна. – Не про твою честь мужчинка!

– Это еще почему? – возмутилась Эльмира.

– Девчонка ты еще совсем! А новый зам – мужчина солидный, сразу видно.

– С чего это видно? Вот как вы думаете, сколько ему лет?

– Ну... думаю, лет сорок, – предположила Тамара Ивановна.

– А я так думаю, что тридцать, – заявила Эльмира. – Может, конечно, с маленьким хвостиком. А это мне в самый раз!

– Перебьешься, вертишейка!

– Почему это я должна перебиваться! Мне уже двадцать шесть. Самый смак! Я не замужем, и в отличие от всех вас семеро по лавкам меня дома не дожидаются.

– Зато он наверняка женат, и его дома сколько-нибудь по лавкам да ждут.

– Да ну-у-у... Такие мужчины не бывают многодетными. Ну... один-два ребенка – не больше!

– Что ты задумала, мелкая интриганка? – опять захохотала Тамара Ивановна. – Вы посмотрите на нее! На чужих мужиков зарится, и даже дети ее не смущают!

– А представляете, какие у нас с ним детишки могут получиться! – тоненько засмеялась в ответ Эльмира. – Один черненький, как я, другой – беленький, как Владимир Викторович!

Тамара Ивановна с Эльмирой еще долго смеялись, незлобиво перебранивались, и обсудили новое начальство не только с ног до головы, но даже представили, как он может выглядеть без элегантного костюма. Саша бросала косые взгляды на Марьяну Валерьевну. Она не только не участвовала в разговоре сослуживиц, но даже не прерывала его, хотя очень не любила, когда женщины, как она говорила, трепали языками. Она уставилась в компьютер и методично ударила двумя пальцами обеих рук по одним и тем же клавишам. Ее монитор был развернут так, что Саша могла видеть, как по белому полю документа бежали строки, состоящие из «с» и «б»: сбсбсбсбсбсбс....

– Слушай, Сашка! Новый зам – такая душка! – щебетала Ольга, когда они с Сашей отправились в обеденный перерыв в соседнее кафе «Восторг». Честно говоря, этот «Восторг» был весьма жалкой забегаловкой, которая расположилась в бывшем помещении магазина скобяных товаров и паразитировала на телах и здоровье служащих налоговой инспекции. Рядом с инспекцией больше не было ни одного заведения общепита, поэтому инспекторши вынуждены были без всякого восторга посещать этот «Восторг». Они, правда, дружно и не сговариваясь игнорировали красочный плакат, предлагающий бизнес-ланч «всего за девяносто пять рублей» и брали в кафе только салаты и выпечку с кофе.

На губах Ольги уже сверкала платиной новая помада, которая, как поняла Саша, явно не сумеет дожить до летних времен и палевого костюма с вышивкой. Ольга с удовольствием оглядела себя в зеркале, поправила ноготком и без того безупречную линию помады на нижней губе и продолжила свой щебет:

– Наши все выпали в осадок. Я и сама-то почти что выпала... Красавец! Князь Игорь!

– Почему князь Игорь? – спросила Саша.

– Ну... не знаю, почему... так... как в опере... Можно и князем Владимиром назвать. Очень русская у него красота. Без всякой примеси. Князь Владимир – Ясно Солнышко!

Саше не хотелось признаваться, что Халаимов на нее тоже произвел очень большое впечатление, и она перебила Ольгу:

– Нашла тоже Солнышко! С такой фамилией – вряд ли чистокровный русский.

– Да какая разница, какая у него фамилия! Русский – не русский! Все равно суперстар! Неужели будешь утверждать, что тебе он не понравился?

– Не буду, – ответила Саша. – Он действительно интересный мужчина, но не про нашу честь.

– Почему не про нашу? – беспечно спросила Ольга, выбирая себе на стойке тарелки с горкой салата покрупнее и с пирожным помассивнее.

– Потому что у тебя есть Кирюха, а я для такого супермена рылом не вышла, – ответила Саша и понесла свои тарелки к столику.

– Не скажи, – Ольга шлепнулась на стул и вилкой показала на Сашины волосы. – Твоим волосам вся налоговая завидует.

– Волосы в женщине не главное, – ответила Саша и вспомнила, как Марьяна Валерьевна прикрывала обеими ладонями свою редкую поросль. – Надо, чтобы еще и лицо... Да и все остальное тоже...

– У тебя, и лицо вполне приличное, и фигура нормальная. Слушай, Сашка, а, может, ты поморгаешь ему, а?

– Зачем?

– Затем! Что ты все одна да одна?!

– Он наверняка женат.

– Ну и что? Сегодня женат, а завтра, глядишь, и...

– Что ты говоришь, Ольга! – возмутилась Саша. – Представь, что где-нибудь вот так же обсуждают твоего Кирилла!

Ольга чуть не подавилась пирожным, которое почти наполовину засунула себе в рот, закусывая им, как хлебом, салат из свеклы с яйцом. Она постаралась прожевать, как можно быстрее, чтобы сказать:

– Мой Кирилл, во-первых, не такой супермен, как этот, во-вторых, ему никто, кроме меня не нужен! А потому я могу быть за него совершенно спокойна! А вот ты все-таки обдумай мое предложение, а я со своей стороны обещаю тебе всяческое содействие.

– Например?

– Ну... еще пока не знаю, но как только понадобится – я к твоим услугам. Поговорить с ним, например, намекнуть... или вызвать куда-нибудь для переговоров... В этом, Александра, ты всегда можешь на меня рассчитывать.

Всю вторую половину дня Саша доделывала отчет, потому что Марьяна Валерьевна сказала, что завтра понесет его на ознакомление новому заму. То, что она помянула Владимира Викторовича, Саше очень мешало. Она стала бояться, что напишет какую-нибудь глупость, и будет бледно выглядеть перед этим красивым мужчиной. Она три раза переделывала две последние страницы отчета и аналитическую записку к нему, потому что, перечитывая, находила все новые и новые нелепые ошибки. Это ее испугало не на шутку, потому что обычно она была очень внимательна и ошибок в работе никогда не допускала. Терехова последнее время даже перестала проверять ее отчеты, потому что они всегда оказывались безупречными, и начальнице стало жаль зря тратить на них время.

После окончания рабочего дня Саша выходила из инспекции вместе с Ольгой. На крыльце мимо них проскользнул Халаимов, одарив обеих прощальной улыбкой, и пошел вдоль домов в ту сторону, где не было транспортных остановок.

– Нет, ты только посмотри, что у него за походка! Прямо снежный барс! Ирбис! – восхитилась Ольга, а потом заодно и удивилась: – Странно, неужели у него нет машины? Такие люди в трамваях не ездят.

– Видишь же, что он пошел пешком. Может быть, рядом живет, – предположила Саша.

– Слушай, он пошел в твою сторону! – обрадовалась Ольга. – Может, догонишь?

– Зачем?

– Завяжешь легкий треп, мол, нам по пути и все такое...

– Отстань, Ольга, – нахмурилась Саша.

– Отстану, конечно, – заверила ее подруга, – потому что, видишь, мой автобус катит! А завтра начну с начала! Готовься!

Последние слова Ольга крикнула уже из дверей автобуса, в который проворно впрыгнула чуть ли не на ходу.

Саша улыбнулась ей на прощанье и пошла к дому по давно уже проторенному маршруту: дворами и переулками. Халаимова впереди уже видно не было, да и вряд ли он ходит сквозь грязные Питерские подворотни. Саша так и не смогла вспомнить, откуда, из-за какого угла, он вынырнул утром.

Она зашла в универсам, находящийся недалеко от ее дома, чтобы что-нибудь купить себе на ужин. Первым делом положила в корзинку пирог с абрикосовой начинкой, который уже как-то брала и с большим удовольствием съела чуть ли не весь сразу. Рядом на полке увидела точно такой же, но с голубикой. Может, взять и этот? В таких упаковках они долго могут храниться. Или вот этот? Яблоки с корицей... Тоже наверно вкусно...

– Я смотрю, у вас в семье – сплошные сладкоежки! – услышала она рядом веселый голос.

С двумя коробками в руках и одной – в корзинке она повернулась на голос и увидела Владимира Викторовича Халаимова, нового зама Волгиной. Отворот его кепки уже был загнут на место, и волосы красиво золотились между черным фетром головного убора и темно-синей тканью куртки. Глаза при ярком магазинном освещении казались не голубоватыми, а темно-серыми и лукавыми. Халаимов по-доброму улыбался, держа в руках две винных бутылки.

– А у вас, судя по... – Саша подбородком показала на бутылки, но не договорила, потому что новый зам засмеялся, и ей тоже пришлось улыбнуться.

– Нет, это не домой. Это подарок. У моего друга сегодня день рождения. Ему нравится этот коньяк – «Медный всадник». А вино «Саперави» – для его жены. Она обожает грузинские вина.

– Оправдывайтесь, оправдывайтесь, – все так же улыбаясь, проговорила Саша, а потом добавила: – А я вот оправдываться не буду, потому что съем это все сама! – и она положила в корзинку и «голубику» и «яблоки с корицей».

– Что ж, вам можно, – ответил Халаимов, вставая за ней в небольшую очередь в кассу. – У вас прекрасная фигура.

Саша почувствовала, что краснеет. Она стояла к Халаимову как раз той щекой, которая утром была помята, и ей почему-то казалось, что тавро с пуговицей от наволочки опять проступило. Она с ужасом схватилась за щеку рукой.

– У вас и руки очень красивые, – склоняясь к самому ее уху, проговорил новый начальник. – На запястье только не хватает браслета... Нины Арбениной.

Саша вскинула на него встревоженные глаза. Что он такое говорит? Зачем?

Кассирша именно в этот момент потребовала от Саши денег, что дало ей возможность отвлечься от Халаимова и его странных слов.

Она торопливо заплатила. Ей хотелось бы бежать от нового зама со всех ног, но пока она трясущимися руками тщетно пыталась засунуть в пакет коробки, он тоже успел рассчитаться с кассой.

– Давайте помогу, – предложил Владимир Викторович, поставив свои бутылки на столик с корзинками, и без церемоний вырвал у нее пакет.

Саша, все также путаясь в своих собственных руках и коробках, с трудом упаковала пироги.

– Спасибо, – сказала она и зачем-то добавила: – А браслеты иногда расстегиваются и теряются, что приносит их владелицам несчастье.

– Существуют браслеты без застежки, – многозначительно проговорил Халаимов, и Саша совершенно растерялась.

Зачем он ей все это говорит? Почему так странно смотрит? Видимо, у него в арсенале несколько взглядов. Один, Карамазовский – для женского коллектива в целом, другой, тот которым он сейчас смотрит на нее – влекущий, соблазняющий и отнюдь не невинный. Лицемер... Совратит и никакой индульгенции не выдаст. И что ему от нее нужно? Саша нервно дернулась, нелепо пожала плечами и сказала:

– Ну... Я пойду. До свидания, – и поскорее повернулась к нему спиной, в которую тут же ударило его утверждение:

– Меня тремя пирогами не обмануть. Вы ведь не замужем!

Она медленно развернулась и с вызовом спросила:

– И что?

– Хотите пойти со мной на день рождения? – Халаимов спрашивал так, будто был полностью уверен в ее положительном ответе.

Саша чувствовала, что готова пойти с ним, куда угодно, но односложно ответила:

– Нет.

– Почему? – искренне удивился он. Видимо, женщины ему никогда не отказывали или, во всяком случае, очень редко.

– Я вас не знаю, – ответила Саша. – Вижу первый раз в жизни.

– Четвертый, – рассмеялся Халаимов, и лицо его опять приобрело выражение добрейшего Ивана Царевича.

– Как это четвертый?

– Так это! Второй раз – в вашем отделе, третий раз – вечером на крыльце инспекции, четвертый – сейчас.

– А первый? – испуганно спросила Саша.

– А первый – утром. Вы же за мной шли на работу. Разве не так?

– А у вас разве глаза на затылке?

– Я видел вас, когда поднимался на крыльцо. И не буду скрывать, вы мне сразу понравились. Честно говоря, я хотел вам сказать об этом завтра, когда приглашу на переговоры по отчету, но раз уж так получилось, то почему бы не сказать сегодня? Так как?

– Что как?

– Пойдете со мной на день рождения?

– Нет.

– Но почему? – еще искренней удивился Халаимов. Он явно не понимал, что могло удерживать ее теперь, когда он сказал, что она ему нравится.

– Потому что, несмотря на наши «многочисленные встречи», я все-таки вас совершенно не знаю.

– И чего вы боитесь?

– Ничего, кроме неловкости. Я не люблю быть на людях и чувствовать себя не в своей тарелке.

– Какую ерунду вы говорите, Сашенька!

– Разве? Вот вы меня назвали Сашенькой. А мне вас как называть? Неужели Володечкой?

Или лучше Вовочкой? Как вы привыкли?

Халаимов опять заливисто рассмеялся. Она невольно улыбнулась тоже.

– Нет, вы не зря мне понравились с первого взгляда, – отсмеявшись, сказал Халаимов. – Зовите Володей, если вам не трудно.

– Мне трудно! – уже довольно сердито ответила Саша и развернулась к выходу из магазина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.